

Сергей Каледин

Коридор

СЕМЕЙНАЯ
ХРОНИКА
В ДВУХ
ЧАСТЯХ

Сергей Евгеньевич Каледин

Коридор

Серия «Самое время!»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61854633

Сергей Каледин. Коридор: Семейная хроника в двух частях: Время;

Москва; 2020

ISBN 9785969120372

Аннотация

Книги Сергея Каледина изданы большими тиражами, переведены на многие языки, по повести «Смирненное кладбище» снят фильм и поставлен спектакль в «Современнике», повесть «Стройбат» Лев Додин превратил в знаменитый спектакль «Гаудеамус», прошедший по многим театрам мира. Новая книга известного писателя представляет собой соединение написанного более тридцати лет назад и обновленного романа «Коридор» с сегодняшним изложением семейной саги своего рода. Правдиво и увлекательно рассказывая о себе, родственниках, знакомых, соседях, Каледин щедро наделяет описание точными деталями, что создает ощущение личного присутствия читателя рядом с героями повествования, узнаваемости событий, – и семейная сага становится документально-художественной историей жизни страны на протяжении более сотни лет. По словам Александра

Кабакова, Каледин «описал своих близких, а получилось, что все человечество...»

Содержание

К читателю	6
Часть первая. Коридор	7
Сначала	7
Пустые хлопоты	38
Люся вышла замуж	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Сергей Каледин
Коридор
Семейная хроника
в двух частях

Редактор *Лариса Спиридонова*

Художественный редактор *Валерий Калныныш*

Верстка *Светлана Спиридонова*

Корректор *Татьяна Трушкина*

© Сергей Каледин, 2020

© «Время», 2020

К читателю

Первую часть семейной хроники «Коридор» я закончил в 1988 году. Были живы многие участники действия – родня, знакомые, – пришлось выдумывать, сочинять: менять имена, события... Проще говоря, врать, короче – писать прозу.

И так я заврался, что потерял интерес к «Коридору». Да еще цензура всю дорогу рот затыкала.

К художественным сочинениям – своим и чужим – я надолго охладел. Хотелось знать правду про прежнюю советскую жизнь – настоящую.

И вдруг откуда ни возьмись прискакал шустрый «ко-нек-горбунок» с простым русским именем non-fiction.

Я оседлал иноземного конька, и тот, зацокав копытцами, подхватил меня и несет по моему «Коридору» по сей день.

Все мои участники первой части «Коридора» во второй части получили невыдуманные имена и биографии. Почти.

P. S. А «Коридор», грешен, люблю больше других своих вещей. А может, просто хочу сделать себе подарок на 70-летие.

Автор

Часть первая. Коридор

Сначала

До Турецкой войны Петр Анисимович был крестьянином. Под Плевной ему выбило глаз, и когда он лежал в лазарете, ему предложили выучиться на фельдшера.

В Павловский Посад Петр Анисимович вернулся человеком уважаемым. Собственный его глаз был огромный, голубой, ничуть не потускневший из-за отсутствия второго, потому что сам Петр Анисимович был человеком красивым, богатырского сложения и мягкого нрава.

Петр Анисимович без спешки выбирал себе жену, но женился недолго. Даша для приличия закапризничала – вроде не хотела за «кривого», но Петр Анисимович пригрозил, что уйдет в монастырь, и свадьба состоялась.

Нехорошо он себя вел только в редкий перепой, что потом переживал и винился перед женой, женщиной под стать ему – доброй и покладистой. Жену свою Петр Анисимович уважал и ценил. Советовался с ней. По утрам, когда дети еще спали, жена ставила самовар и они пили чай вдвоем, неспешно обсуждая домашние дела. В этот час ребятишкам запрещалось пробегать по комнате даже по нужде.

Работать Петр Анисимович поступил в психиатрическое

отделение городской больницы, где кроме обычных фельдшерских знаний требовались сила, храбрость и, самое главное, умение не забывать, что здоровые с виду сумасшедшие на самом деле люди больные, большей частью неизлечимые.

Хотя денег в доме с рождением детей становилось все меньше, прокорм, слава богу, был: вольнопрактикующий лекарь Павловского Посада Григорий Моисеевич, понимая, что Петр Анисимович человек казенный – на жалованье, посылал к фельдшеру своих несложных больных.

Егор родился у фельдшера последним, пятым, и помельче предыдущих. В павловопосадском реальном училище Егор занимался прилежно, но недотянул отец обучение младшего сына. Сочувствуя бедности одноглазого фельдшера и принимая во внимание красивый почерк мальчика, директор училища помог Егору Петрову Степанову поступить на службу в Павловопосадское отделение Русско-французского акционерного общества хлопчатобумажной мануфактуры учеником конторщика.

Насмотревшись на запои отца, которые со временем участились, Егор, для благозвучия – Георгий, вина не употреблял вовсе и вскоре обзавелся шляпой-канотье, белым чесучовым костюмом, как у коллег, немецким велосипедом на красных шинах с гуттаперчевым мяукающим рожком и очками для солидности.

Со своей будущей женой Липочкой Георгий познакомился в 1916 году в Москве, прибыв туда занять предложенную

ему должность конторщика на Кабельном заводе.

Липа, или, как было написано в ее студенческом билете, «госпожа Бадрецова Олимпиада Михайловна», заканчивала второй курс на математическом факультете Высших женских курсов Герье.

Липу в Москву на учение отец ее, ткацкий мастер Михаил Семеныч, собирал собственноручно. Не доверяя жене – Липиной мачехе, перепроверял баулы, записывал, что есть, что надо будет. Комнату снял дочери в Москве по первому разряду, на полном пансионе. Только учись. И хозяйке велел еженедельно отписывать за отдельную плату наблюдения: как Липа учится.

Училась Липа прилежно, первый раз жалоба пришла через год: курит.

– Зачем же ты, Липа, куришь? – строго спросил Михаил Семеныч, срочно прибывший в Москву. Был он старовер и курение почитал большим грехом.

– У нас, папаша, медички живут в квартире, – бойко затараторила дочь, – они на мертвых телах обучаются в анатомическом театре. От мертвых тел запах. От запаха мы и курим.

Ответом дочери Михаил Семеныч удовлетворился и, успокоившись, отбыл домой в город Иваново.

Второй раз Михаил Семеныч примчался в Москву, прослышав про Георгия, но, узнав, что жених Липы вероисповедания старообрядческого и должность занимает благопристойную, против свадьбы не возражал.

На свадьбе он, выяснив предварительно, что Георгий глазами не страдает, снял с зятя мешающие серьезному разговору очки без диоптрий, сунул их тому в нагрудный кармашек, замяв внутрь жениховский платочек, пригнул к себе напымаженную голову зятя, несколько оторопевшего от такой вольности, и произнес, но не тихо, как того предполагала ситуация, а громко и размеренно, чтобы все хорошо слышали:

– Я, Георгий, богат – не скажу, но хуже других не жил и вам хуже себя жить не позволю. Главное – по-людски живите, без трепыханья, без дерганья. Буду помогать. – Потом долго в упор, чуть морщась, разглядывал Георгия и закончил: – А ушišки-то сброй... А то выпустил... Не к лицу.

Эмансипированная тремя с половиной курсами Герье, Липа не захотела расстаться со своей девичьей фамилией; покладистый же, в отца, Георгий во избежание склоки присоединил спереди к своей фамилии женину девичью. Получилось Бадрецов-Степанов. Но бухгалтерскую документацию подписывал только второй половиной новой фамилии – своей собственной – Степанов.

...Старый фельдшер второй месяц уже спал в детской. После смерти жены он продал дом в Павловском Посаде, жил по детям, и теперь пришла очередь Георгия.

Прислуга Груша перетащила свое спалье в кладовку.

Сегодня Аня, младшая внучка, проснувшись, изо всех сил старалась не заснуть снова – дожидаться, пока дедушка вста-

нет. Она ждала долго, даже пальчиками помогала глазам не закрываться, но все равно задремала... И вдруг пружины под дедушкой заскрипели, Анечка встрепенулась, тихонько повернулась в его сторону...

Из разговора старших она слышала, что у дедушки как бы нет одного глаза, и услышанному очень удивлялась, потому что у дедушки были оба глаза, правда немного разные по цвету и один почему-то не моргал в то время, когда моргал другой. Аня ночью, когда просыпалась на горшочек, подходила к дивану, на котором спал дедушка, и каждый раз видела непонятное: на дедушке была косынка, повязанная через правый глаз. Сперва Аня думала, что дедушка от холода повязывает голову маминым платком, но платок каждую ночь сползал почему-то именно на правый дедушкин глаз, чего, конечно, просто так быть не могло.

...Дедушка сидел, спустив с дивана огромные ноги, и держал двумя пальцами голубой шарик. Глаз. Он обтряс его, обдул, перехватил поудобнее и загнал на место. Потом поморгал другим глазом и взглянул в маленькое зеркальце.

– А я все ви-и-ижу, – тихо пропела Анечка.

– Ктой-то? – заерзал Петр Анисимович. – Ты почему не спишь?

– Деда, а где твой глазик настоящий?..

– Лопнул от старости, Анечка. Мне ведь сто лет.

– Ты, деда, врешь, – убежденно сказала внучка. – Сто лет не бывает.

– Тогда спи, – сказал Петр Анисимович, и Аня послушно заснула.

Москву Михаил Семеныч Бадрецов навещал без предупреждения. Чтоб дети не успели подготовиться, скрыть недочеты жизни. Кроме проверки жизни детей были у него еще дела по работе и дела личного свойства.

Приехал Михаил Семеныч вчера вечером, а сейчас пил шумно чай. Постель еще на всякий случай была не прибрана. Клава вдруг перестала стрекотать на швейной машинке у окна. Михаил Семеныч не любил внезапных перемен и чуть было не обернулся, сдержался. Клава тем временем достала из комода голубую сорочку модного фасона, с пристяжным крахмальным воротничком, и робко подошла к нему сзади.

– Наденьте, Михаил Семеныч... Прямо под цвет глаз.

Михаил Семеныч не торопясь развернулся, пощупал ткань, нюхнул сорочку, поморщился:

– Лен плохо теребили... И колор слабый. Две стирки – и слиняет.

Клава обиженно поджала губы.

– А я вам, напротив, следующее скажу, Михаил Семеныч. Сорочки ваши все нынче немодные. Ходите прямо как пожилой... а здесь и цвет небесный, и ворот на кнопочках.

– Не болтай, – буркнул Михаил Семеныч, – какой еще пожилой... Подарок принимаю, спасибо. Носить не буду, не серчай. Моду пусть стрикулисты носят. Я своих мнений при-

держиваюсь.

В глубине квартиры послышался звонок. Клава забежала по комнате, прикрывая швейную машинку с шитьем. Хотела было попросить Михаила Семеныча накинуть поверх испод-него ее халат, но не решилась.

– Чего задержалась? – буркнул Михаил Семеныч.

– Боюсь – фининспектор...

– Гнать, пока чай пью. Потом пусть.

Клава вышла из комнаты. Михаил Семеныч допил чай, встал, перекрестился на икону. Пора по делам. Он начал неторопливо одеваться. На секунду задумался, глядя на разобранную постель, но стряхнул сомнение и натянул помочи.

Вернулась Клава.

– Ушел, слава богу.

– Не нравится мне, Клавдия, – оправляя на плечах помочи, сказал Михаил Семеныч. – Совсем не нравится.

– Что не нравится, Мишенька? – испуганно прошептала Клава.

– Как парчущка себя ведешь, Клавдия. От подати уклоняешься. Взрослая женщина, красивая, а не платишь. Нельзя так.

– Так ведь... – виновато начала Клава, но Михаил Семеныч ее перебил:

– Денег нет – мне сказать. Дам. Разве это красиво: человек чай пьет, а шантрапа всякая беспокоит по утрам. Можно

сказать, будит. Не люблю такого, исключаю.

– Не волнуйтесь, Михаил Семеныч, – Клава подала старику жилет. – Вам к замнаркома идти, а вы в нервах весь.

Пока Михаил Семеныч не застегнул жилет, Клава снова взялась за сорочку.

– Может, прикинете?

– Ну давай. – Он надел обнову, поглядел на себя в зеркало – остался доволен, но – слово сказано – вернул сорочку Клаве. – Пора. Пока доеду. – Михаил Семеныч вынул бумажник, достал деньги, начал медленно отсчитывать.

– Куда столько! – забеспокоилась Клава, предполагая что-то не то. Михаил Семеныч добавил еще купюру, положил деньги на комод.

– Когда вас ждать, Михаил Семеныч?

– Врать не буду – не жди.

– Обидела чем?

– Ничем ты, Клавачка, меня не обидела. Иной раз молюсь за тебя. В брак вступаю, вот в чем дело. Пока только записались – этому значения не придаю – тебя навестил, а обвенчаюсь – все. Сама знаешь: я человек верующий.

– Стало быть, все-таки женитесь? – произнесла Клава влажным голосом. – Хорошую женщину берете?

– А плохая-то мне зачем? Хозяйственную...

– Молодая?

– Твоих лет.

– Красивее меня?

Михаил Семеныч затянул галстук натуго, внимательно оглядел сожительницу.

– Врать не буду: наружность у тебя мне больше нравится.

– Так и взяли бы меня.

– Как же я могу тебя, Клавдия, взять в законные супруги, в законные, если ты занималась нехорошим промыслом. Сама посуди.

– Вы же меня и в заведении тогда навещали, и... ничего...

– Тогда у меня жена умерла, для вдовца не грех снискать любви, а женился – и перестал тебя посещать. Опять овдовел – снова пришел. Все по Богу. Теперь вновь женюсь – обратно пресекаю. Поняла?

Клава послушно закивала, незаметно вытирая рукавом слезы. Михаил Семеныч сел.

– Присядем на дорожку. Молчи... Встали. Долгие проводы – лишние слезы.

К замнаркома он не то что опоздал, а слегка припозднился – для солидности – и правильно учел: в кабинете уже сидели чернявые люди и пили кофе. Турки из Турции. На работу в город Стамбул звать его вознамерились.

– Технический руководитель крупнейшей ткацкой фабрики Михаил Семеныч Бадрцов, – представил его хозяин кабинета туркам, те заулыбались, повернулись к переводчику. – Рекомендую. Уникальный специалист.

Михаил Семеныч коротко кивнул им, подтверждая сказанное, и, не подходя для рукопожатий, молча уселся в крес-

ло.

– Ну так что решил, Михаил Семеныч? Едешь в Турцию?

– Чего я у басурманов забыл? – буркнул Михаил Семеныч.

– Не переводите, – коротко бросил замнаркома переводчику и удивленно взглянул на гостя. – Почему? Ты же выразил принципиальное согласие.

– Тогда выразил, а теперь не желаю. Женился я. Русскую женщину в Африку!..

Замнаркома сделал знак переводчику:

– Скажите, он подумает. Он женился.

Переводчик перевел и сообщил:

– Турецкие представители берут на себя обязательства создать надлежащие условия для господина Бадрецова и его супруги. Они просят не спешить с категорическим ответом. Вакансия для господина Бадрецова всегда свободна.

Михаил Семеныч молча кивнул, турки попрощались.

– На ком женился? – улыбнулся замнаркома.

– На ком надо, на том и женился. Ты лучше за ними побеги. – Михаил Семеныч указал на дверь. – Дурят тебя. Не турки они. Обман! У меня всю жизнь татаре в дворниках, я их речь с лёта чувствую: совсем звук другой!

– Да они ж по-французски.

– Подумаю, – буркнул Михаил Семеныч, вставая.

– Не хочешь в Турцию, Вигоневый трест принимай. В Москве будешь жить. Только биографию свою напиши, поподробней.

– ...Петр Анисимович!.. Вы где-е?.. Петр Анисимович! – кричала Груша, будто играла в прятки. Она вошла в детскую. – Где дедушка-то? – спросила она проснувшуюся Аню. – Э-эх, зла на вас не хватает, деда-то проспала всего! Ладно, одевайся быстрее завтракать... Куда он подевался-то? И так уж одного глаза нет, а все ходит...

Аня не стала надевать платье, в ночной рубашке выбежала в пустой коридор, подергала закрытые соседские двери и даже заглянула в низкий шкаф в передней, где внизу стояли огромная черная с белым нутром гусятница и медная ступа с пестом и валялся безмен для картошки. Дедушки не было.

– Де-да-а, где ты? – жалобно выкрикивала она. – Де-да-а!..

Она заглянула в уборную, вышла на лестницу. Потом побрела в кухню. По дороге она потеряла в темноте один тапок и до кухонной двери доскакала на одной ножке.

– Де-да-а...

Кухня молчала. Входить туда Аня боялась из-за тараканов, но надо было обязательно найти дедушку, и она, зажмурив глаза, толкнула дверь. В кухне было пусто, только тараканы быстро ходили по стенам и потолку. Дверь на черный ход была распахнута. Оттуда надвигалось недовольное бормотанье Груши:

– ...Восемьдесят лет, а вино жрать – конь молодой... – Груша закрыла за собой дверь и присела отдышаться. – Чего стоишь, простынешь вся. Тапки где? Кому сказала!

На подоконнике ворчали голуби. Аня потянулась к ним:

– Гули, гули...

– Этих только здесь и не хватало! – Груша сердито зама- хала на голубей. – Кыш! Кыш! Тесто тут, а они ходят...

Аня уже поняла – с дедушкой случилось то, что иногда случалось: дедушка ушел пить вино. Она оделась, позавтра- кала и пошла во двор. Если дедушка ушел рано, он мог уже вернуться.

Конец двора упирался в старый каретный сарай: ночью там стояли пустые пролетки без лошадей. Днем под навесом было пусто, только одна сломанная коляска, накренившись, зарылась пустой осью в землю. Иногда дедушка, попив вина, забирался в нее поспать. Девочка заглянула внутрь пролет- ки: пусто.

Она – руки в боки, как это делала Груша, и сказала свар- ливым голосом:

– И так одного глаза нет, а все ходит...

Сказала и задумалась: и почему Груша, когда бранится, всегда говорит, что дедушка ходит куда-то, ведь он ходит не куда-то, ходит пить вино.

Ее раздумья прервал звонкий шлепок по крыше сарая, Аня вздрогнула: дедушка с Грушей выскочили из головы, потому что наверху проснулись бельчата. Она на цыпоч- ках, крадучись, выглянула из-под навеса. По земле бегали крохотные рыженькие бельчата, задрав пушистые хвостики. Аня взглянула вверх: из скворечника, прибитого к палке над

сараем, высунувшись наполовину, торчали два бельчонка, мешая друг другу выбраться. Они упрямо пыжились до тех пор, пока Аня не засмеялась. Бельчата внизу в страхе замерли на мгновение и, прощуршав россыпью по стене сарая, с разгона затолкнули упрямую родню внутрь скворечника. И тут же застряли сами, беспомощно царапая скворечник и друг друга коготками длинных лапок.

– ...Все гуляешь, – ровно ворчала Груша, как будто не переставала ворчать все время, пока Аня гуляла. Руки у Груши были в тесте. – Гуляй-гуляй, один вон уже с утра гуляет... Поди-ка глянь лучше, кто приехал!

Тетя Маруся стояла перед трюмо и причесывалась. Длинные рыжеватые волосы закрывали всю спину.

Через несколько минут, обцелованная теткой, Аня сидела за столом и, урча, ела грушу. Груша была почти с ее голову: Аня с трудом удерживала ее двумя руками. Сок капал на платье, но тетя Маруся стояла спиной и безобразия не видела.

– А дедушка где?

– Вино пить ушел, наверное, – предположила Аня.

Тетя Маруся резко повернулась, ошарашенная спокойной интонацией племянницы.

– Не говори глупостей, Аня! Да ты все платье закапала! – Тетя Маруся достала из сумочки душистый носовой платок и за косички небожно оторвала племянницу от груши. – Ну-ка, встань. Господи!..

– Ничего... Я другое надену. – Аня положила недоеденную грушу на стол, облизала губы.

Тетя Маруся подошла к трюмо, взглянула в зеркало и снова обернулась:

– Ну-ка. У тебя пальчики маленькие, выдерни-ка, – она дотронулась указательным пальцем до двух маленьких родинок на губе и подбородке, на каждой родинке рос тоненький, еле заметный прозрачный волосок, – ноготками...

В комнату вошла Груша.

– Нет, ты глянь! – всплеснула она руками. – Все платье изгваздала!.. – Груша подошла к шкафу, на дверце которого деревянная цапля на одной ноге держала в длинном клюве виноградную гроздь с растрескавшимися ягодами, достала белое блюдо и, недовольная Аней, а еще больше беззаботностью Марьи Михайловны, поджала губы.

Тетя Маруся сделала строгое лицо, подтверждающее ее солидарность с домработницей, но как только Груша вышла из комнаты, напомнила племяннице:

– Ноготками и – сразу, а то больно, ну...

Управившись с волосками, тетя Маруся взяла с подзеркальника шпильки. Она туго зачесала волосы и воткнула в голову широкий гребень. Пучок получился огромный. Тронула стеклянной палочкой за ушами, провела по шее...

– Зачем? – спросила Аня, снова въедаясь в грушу.

– Ты почему не переодеваешься? – строго сказала тетя Маруся. – Это лаванда.

– Как духи?

Ответить тетя Маруся не успела, потому что в дверь позвонили. Так звонил только Михаил Семеныч: нажимал кнопку и держал, пока не откроют.

Тетя Маруся тяжело вздохнула и пошла открывать. Аня с грушей – за ней.

Михаил Семеныч Бадрецов переступил порог как обычно: руки за спину, картуз на бровях.

– Здравствуйте, папаша, – почтительно сказала тетя Маруся и поцеловала отца в щеку, для чего ей пришлось немного вывернуть голову и пригнуться – мешал картуз, а подставляться под поцелуй поудобнее, упрощать встречу Михаил Семеныч не желал.

– Почему сама дверь открываешь, где прислуга? – строго спросил он и только теперь снял картуз, подал дочери.

К внучке он присел на корточки: целуя ее, испачкался соком груши, но сердиться не стал, потянул из кармана брюк носовой платок, такой большой, что одним концом он вытирал лицо внучки, а другой еще глубоко сидел в кармане.

– Здравствуй, Марья, – только теперь сказал он, распрямившись.

Дочь, опустив голову, приняла в сторону, уступая ему дорогу.

Михаил Семеныч бросил сердитый взгляд в угол, как бы ища икону, хотя прекрасно знал, что здесь ее нет и быть не может.

«Нарочно себя растравляет», – мысленно отметила Марья, вслед за отцом войдя в комнату. Михаил Семеныч перекрестился двумя пальцами по-староверски, достал из внутреннего кармана пиджака маленькую металлическую иконку, поцеловал ее и снова спрятал в карман.

– Аграфена! – крикнул он. – Ты где? Аграфена!

«Нарочно из комнаты орет, чтобы на кухне слышно не было», – подумала Марья и шепнула Ане:

– Грушу позови.

– Тощая-то чего какая, не ешь, что ли, ничего? Тридцать лет бабе – и никак тела не нагуляешь!

– Какая есть.

Примчалась Груша. Поздоровалась и молча встала у порога. Михаил Семеныч дал ей выстояться перед ним в покорности и лишь тогда неспешно произнес:

– С возчиком рассчитайся, у меня мелочи нет. Поклажу сюда!

– Чаю поставить, папаша? – смиренно спросила Марья.

– Она поставит, – отец махнул головой вслед Груше. – Пока кипятку дай холодного, жарко...

Он подошел к Ане, короткопалой широкой ладонью поводил по ее затылку, как бы очищая его для поцелуя, и еще раз поцеловал.

– Подросла. А сестра твоя где?

– Она в пионерлагерь уехала.

– Мать с отцом слушаешься?

Аня кивнула.

– Я тебе конфет треугольником привез. – Михаил Семеныч полез в карман пиджака и достал несколько расплющенных трюфелей. – Жарко. Там еще в чемодане три фунта. – Он секунду посмотрел на внучку и перекрестил ее. – Ну и слава Богу...

– Хм, – недовольно кашлянула Марья. – Может, вам кваску?

– Не хмыкай, – буркнул отец, не оборачиваясь к дочери. – Молча будь!.. А квас сама пей. На квас у меня живот чуткий. Помнить должна. Все позабывала со своей партией?.. Чем кончилось?.. Обжаловала?

Технический руководитель Ивановской ткацкой фабрики, бывшей Саввы Морозова, Михаил Семеныч Бадрецов был похож на ровно набитый плотный мешок без выпуклостей, углов и вмятин – ровный, гладкий с плеч донизу. Да и большая круглая голова в картузе на толстой короткой шее тоже подчеркивала общую ровность его туловища. Он был в черной тройке, несмотря на жару, в картузе и сапогах с галошами. Моду эту он выбрал себе лет тридцать назад и с тех пор от нее не отступал. Правда, когда появились рубашки под галстук, он с удовольствием предал косоворотку – ему понравилось чувствовать под горлом солидную тугую блямбу узла.

Марья Михайловна рылась в сумочке. Руки ее чуть заметно дрожали. На пол упала помада, фотография...

– Вот, – протянула она отцу бумажку.

– Сама читай, – оттолкнул ее руку Михаил Семеныч. –

Мне света мало.

– «Выписка протокола заседания Партколлегии МКК по рассмотрению обжалования по проверке ячейки губотдела Союза совработников...»

– Дальше! – рявкнул Михаил Семеныч.

– Ну что дальше? – Марья положила бумагу на стол. – В поведении невыдержанна, с младшими служащими обращается по-чиновничьи...

– Тут они в точку! Зазналась...

Марья с досадой махнула рукой:

– Да не это главное. Главное – дочь служащего, в Красной армии не служила, непонятны причины вступления в партию. Одним словом, идейно чуждый элемент.

– В суд подала?!

– Зачем? Все же выяснилось. Московская контрольная комиссия проверяла, восстановили.

Михаил Семеныч стукнул кулаком по столу.

– В суд я велел!.. Кто выгонял? Фамилия? Я что вам – так, кататься приехал? Филькины грамоты слушать?! Меня замнаркома вызвал. Через него в суд на твоих подадим. Затоптать!.. Я им дам «дочь служащего», я им дам «непонятны причины»! – Михаил Семеныч тряс в воздухе кулаками, грозя обидчикам старшей дочери. – А ты им сказала, дуракам, что из-за партии мужа лишилась?! Что тебя самую на

вилы мужики под Самарой брали?! Что нерожахой теперь до конца дней плестись будешь, как скотина пустобрюхая!..

– Дедушка, не кричи на тетю Марусю, – захныкала Аня, не выпуская грушу из рук.

– Ладно, не плачь! Георгий когда придет? – буркнул Михаил Семеныч, от волнения наливая холодную воду в блюдце.

– Холодная, папаша, – сказала Марья, стоя за его спиной.

– Без тебя знаю! – отрезал Михаил Семеныч и, не уступая логике, поднял блюдце на широкую короткую растопыренную пятерню. – Георгий, говорю, когда будет? Сзади не стой, сядь. Что я, как Дурень, буду вертеться?

В данном случае Михаил Семеныч даже и в уме не имел сравнивать себя хоть на мгновение с неумным человеком: Дурень – это у него дома в Иванове попугай.

– Папа в три часа приходит, – прожевывая грушу, не сразу ответила Аня.

– А Липа опять на бирже ошивается?

– Мама работу ищет, – кивнула Аня.

– А развелись на кой черт?! Прости мою душу грешную! – Михаил Семеныч перекрестился. – Все молчком! От отца скрыли.

Марья достала из буфета чашки, расставила на столе. Чашки показались ей недостаточно чистыми, она стала перемывать их в полоскательнице.

– Зачем сама? Прислуге дай. Аграфена!..

– Да не кричите вы, ради бога, – не выдержала Марья. – Специально вам Липа не сообщила, чтобы не волновать. Найдет работу, время получше станет – снова зарегистрируются. Ведь вы же знаете: ситуация в стране сейчас с работой временно сложная... Если один из супругов работает...

– Ты меня не учи. Сам знаю. Ситуация... Господь Бог семьей командует, а не ситуация. Ясно? Молчи.

Михаил Семеныч отставил блюдо, встал и медленно прошелся по комнате. Марья сделала ошибку, что навела его на мысль о недостаточной чистоте посуды. Он подошел к мраморной доске камина, провел по нему пальцем; поднес палец к окну и, морщась, стал его разглядывать. Потом показал Марье.

Подошел к трюмо и провел пальцем по зеркалу.

Вошла Груша. Плюхнула на пол два чемодана в чехлах из суровья.

– Куда их?

Михаил Семеныч задержался у зеркала, стоя к домработнице спиной, потом отошел в сторону, жестом приглашая Марью и Грушу посмотреть. А сам вытянул тем временем платок, вытер палец, которым вывел на запыленном зеркале крупными буквами: «Срамь!».

Груша подхватила фартук, намереваясь протереть зеркало, но Михаил Семеныч осадил ее:

– Оставь, пусть до хозяев! Этот – Липе. – Он ткнул в правый чемодан. – Тот – Роману. Купил зимнее... В техникуме

была? – Он поднял на Марию недовольный взгляд. – У начальства?

– За ним следить не нужно – своя голова на плечах! – резко ответила Мария. – Активный комсомолец!..

– Акти-и-ивный... А к отцу никакого уважения! Все ты пример подаешь. Пишешь письма – почему Александре поклон не передаешь?!

– Это я ей кланяться буду?!

– Будешь! Будешь кланяться! Она мне жена венчанная!..

Мария опустилась на стул, медленно переложила с места на место полотенце.

– Неужто расписался?..

– Венчались.

– Ну, помяни мое слово, – по складам произнесла Мария, постукивая коротким, как и у отца, пальцем по столу. – Она тебе еще устроит! Венчанная... Помяни мое слово...

Михаил Семеныч слушал старшую дочь не перебивая: он знал, что Мария грубости по отношению к нему не позволит и, если уж она съехала на «ты» в разговоре с отцом да еще отца жизни научает, значит, надо прислушаться. Мария человек с авторитетом: три состава она была членом Моссовета, работала управляющим делами правления ГУМа, была секретарем партбюро ГУМа.

Короче, Михаил Семеныч слушал дочь не перебивая и, мало того, когда она кончила говорить, немного помолчал – вдруг у старшей есть что добавить. Но Мария от сообщения

отца сникла и еще более оробела, оттого что так резко с ним говорила.

– Все сказала? – пробурчал наконец Михаил Семеныч. – На стол собери, есть хочу... Шестьдесят лет – в самой поре мужик... Варенья подай... Без бабы жить должен? Сама знаешь: не развожусь – Бог прибирает... Сливового...

– Тебе шестьдесят три, – уточнила Марья и вышла из комнаты.

– А ты чего мне привез кроме конфет? – спросила Аня.

– Валеночки, – размягченно ответил Михаил Семеныч, но тут же опять насупился, как бы продолжая разговор с Марьей: – А кто за мной под старость ходить будет?

– А куда с тобой ходить надо? – поинтересовалась Аня. – Я пойду.

– Да это... ладно, во-от... Чего еще тебе привез?.. Носочки козы привез... Их тебе связала тетя Шу...

В комнату с самоваром в руках вошла Марья, и Михаил Семеныч на имени новой жены поперхнулся.

– Тебя же сватали, – продолжила Марья тоном ниже. – Елена Федосеевна – чем не жена? И хозяйка, и...

– Пятьдесят лет?! Что она мне – на дрова?!

– У тебя теперь новая жена будет? – спросила Аня.

Михаил Семеныч открыл рот, намереваясь заговорить, но в комнату вошла Груша с горой пирогов на блюде, и он закрыл рот.

– Каждая божья тварь, Анечка, должна жить семьей, – ска-

зал Михаил Семеныч, когда Груша вышла, и погладил внучку по голове.

– Именно что тварь... – пробормотала Марья.

– Что-что? – нахмурился Михаил Семеныч. Слава богу, что он был глуховат, как все ткачи, и тихих подробностей не схватывал, а переспрашивать считал для себя зазорным.

Кроме того, он начал есть пироги и перебивать аппетит спорами не считал нужным.

– Вы же завтра собирались приехать, – сказала Марья, возвращаясь на «вы». – Что-нибудь случилось?

– Ничего не случилось, захотел – приехал. На балкон пойду подышу. Аграфене скажи: пирогами доволен...

– Зачем вам на балкон? – забеспокоилась Марья. – Вы лучше полежите...

Но Михаил Семеныч не послушался, вытянул бронзовый шпингалет у балконной двери и вышел. Но ненадолго, как и предполагала Марья.

Каждый раз Михаил Семеныч, когда наезжал к младшей дочери, покушав, шел подышать на балкон и каждый раз, обнаружив там голую каменную женщину, отплевываясь, возвращался в комнату.

– Тьфу! Пропади ты пропадом!..

Марья подлила ему чаю, чтобы не разошелся снова.

Отец сел к столу.

– Вот, вызвали... – уже другим тоном заговорил он. – Хотят, чтобы я Вигоневый трест взял.

– А вы?

– А я его брать не буду. В Москве жить не желаю... Анкета у них есть, биографию велели записать.

– Так если вы не хотите, зачем биографию? – пожалала плечами Марья.

– Пусть знают, – буркнул Михаил Семеныч. – Сейчас и напишем. Садись к свету. Бумагу бери, карандаш... Я – рассказывать, ты – писать. Потом Георгий перепишет чернилами. Пиши.

Марья положила перед собой лист бумаги.

– Говорите...

– «Моя биография...»

– Не так, – поморщилась Марья. – Автобиография.

– Я сказал: «Моя биография». Пиши... «Я, Михаил Семеныч Бадрецов, родился в 1865 году. В сентябре. Сын крестьянина. Мать моя со мной трехлетним оставила дом моего отца и переехала на фабрику Саввы Морозова в Иваново...»

«Все врет, – подумала Марья, – не было у тебя никакого отца», – но спорить не стала.

– «...Во время нашей казарменной жизни при фабрике я рос шустрим мальчиком, отчего и получил кличку Бодрец, которая и по настоящее время составляет мое фамилие. Семи лет мать определила меня на ватера в съемщики...»

Марья замотала головой, не успевая за ним, и вопросительно подняла голову.

– Чего смотришь? – рявкнул Михаил Семеныч. – Шпули

мотал, очесы сгребал... Пиши. Чего смотришь?

Марья, промолчав, склонилась над бумагой.

– «...Мать по слабости здоровья перешла кухаркой скобы, казарма так называется; где и умерла вскорости от чахотки. Я работал, как малолеток, восемь часов в сутки в две смены. Переведен был на должность подавальщика проборного отдела. В 1881 году по назначению правления фабрики окончил Ткацкую ремесленную школу, после чего получил профессию ткач и должность подмастерья...»

Михаил Семеныч заглянул через плечо дочери и увиденным остался недоволен:

– Почему «ткач» с малой буквы? Переpravляй. «...До 1913 года работал Ткацким Мастером на фабриках Ивановской губернии. Потом заведующим ткацких фабрик в тех же губерниях. После революции работал по разморозке законсервированных текстильных предприятий по многим губерниям как специалист...»

В квартиру позвонили два раза. Михаил Семеныч достал из жилета часы:

– Кто еще? Рано.

– Мань!.. Ты здесь?.. – Высокие двери распахнулись, и в комнату влетел запыхавшийся Роман, с разбега не увидел сидящего отца. – Нэп скоро накроется! Ты в курсе?..

Марья молча покосилась на сидящего сбоку отца.

– Здравствуйте, папаша! – осекся Роман. – Как доехали?

– Ори дальше, – спокойно сказал Михаил Семеныч, нали-

вая себе чая из самовара. – Точку поставила? Еще варенья. – Посмотрел на сына: – Балабол!..

Марья послушно положила ему в розетку варенья и, защищая брата, напористо заговорила:

– И правильно. Хватит отступать перед мелкобуржуазным элементом. Рома, садись за стол.

– Элеме-е-ентом!.. – передразнил ее отец. – От дураки! Жрать чего будете?! Элеме-е-ентом!..

Роман смиренно сидел напротив отца, он был ладный, но лицом некрасив, с таким же, как у отца, разлапистым носом, что было Михаилу Семенычу приятно. У девок-то носы в мать, земля ей пухом, уточкой. «Ничего парень, – отметил про себя Михаил Семеныч, – хоть и дурак». Роман достался ему дороже всех, поэтому и любил его больше всех. Ну не больше, конечно, – Михаил Семеныч даже заерзал от этой мысли, – он всех детей любил одинаково, но все-таки те – девки, а парень – другое дело.

В десять лет Ромка с приятелями поджег сарай соседа, в двенадцать из поджиги чуть не убил товарища. За сарай Михаил Семеныч заплатил сто рублей и отодрал сына карчеткой, какой чистят трепальные станки. За пробитую голову дал уже двести и драл сына, пока не устал.

В пятнадцать Роман отчебучил похлестче: вступил в комсомол. Михаил Семеныч привычно взялся за карчетку, но Ромка, набычившись, пригрозил, что уйдет из дома, а в комсомоле все равно останется. Михаил Семеныч поглядел

на него и увидел, что перед ним уже не шелудивый пацаненок, а высокий костлявый парень с прыщавым подбородком, и опустил руки. Потом, когда гнев его сошел, подумал, что ведь и сам не против советской власти, еще при царе ссыльным одежонку на этап посылал. Вспомнил, что когда в семнадцатом году его десять тысяч в банке стали достоянием свободного пролетариата, как говорила Марья, утрату переживал недолго. Да он бы и в партию вошел, если бы коммунисты – не против Бога.

– А волосы-то на виске так и не растут? – спросил он, покачивая головой.

– Не растут.

В прошлом году Роман проходил практику на Кожуховской подстанции, и там произошла авария с трансформатором. Роман отличился при тушении пожара, но обгорел крепко. Примчался Михаил Семеныч и месяц не давал житья врачам, чтоб лечили лучше. Врачи взмолились, чтобы Липа с Марьей забрали отца, но Липа сказала, что на отца, конечно, постарается повлиять, хотя трудно, и добавила, чтобы лечили все-таки получше. А в назидание рассказала, как сорок лет назад, когда умер от скарлатины первенец Михаила Семеныча Коленька, отец пришел с фабрики, перекрестился, добыл где-то револьвер и пошел убивать доктора, заставившего его положить мальчика в больницу. И гонял его до ночи по всему Иванову, пока не пришел к выводу, что врач неповинен.

– Зусмана сегодня встретила, – сказала Марья, отводя предыдущий разговор подальше. – В Англию едет. Хотел зайти перед отъездом.

Михаил Семеныч поморщился.

– Жидов-то зачем привечаете?.. Служба – одно, а домой к чему?

– Да он же тебе понравился в тот раз, – от отцовской несправедливости Марья даже покраснела. – Сам говорил: умница! Кудрявый такой, высокий...

Михаил Семеныч, будучи сам роста небольшого, терпеть не мог мелких женщин, а мужчин и подавно. А если человек роста удовлетворительного, так не все ли равно, какой нации. Тем более что много инженеров – старых и новых товарищей Михаила Семеныча – были из евреев. А насчет «жидов» – это он так, подразнить начальственную Марью.

– Да, он красивый... – вздохнула Марья. – На Петю даже чем-то похож.

– Самоя-то замуж собираешься? – спросил Михаил Семеныч, исподлобья взглянув на дочь. – Или так и будешь вдоветь до морковкина заговения?

Марья молча вышла из-за стола, достала из сумочки платочек и еще что-то, повернулась спиной к столу.

Муж Марьи Петя, прапорщик, георгиевский кавалер, после войны вернувшись домой, обнаружил, что его молодая жена Машенька уже не просто Машенька, а член укома Марья Михайловна. Он же как был калькулятором на фабрике

до войны, так им и остался. Машенька приходила поздно, куда-то все ездила по партийным делам. Петя ревновал. Потом добрые люди навели его на мысль, что ездит она не только по партийным делам. Петя достал цианистый калий – и...

Михаил Семеныч почувствовал неудобство: что это – дочь спиной встала к отцу и стоит. Он тихо подошел к ней, заглянул через плечо, встав на цыпочки: Марья, смахивая носовым платком редкие слезы, смотрела на фотографию, где Петя лежал в гробу.

– Тьфу ты, господи! – расстроился Михаил Семеныч. – В гробу-то он тебе на кой хрен нужен?! Спрячь, сказал!.. – Он даже топнул ногой от раздражения и мешающей ему жалости к дочери и, резко растворив дверь на балкон, опять вышел на воздух.

– Да не ходи ты туда, ради бога! – всхлипывая, крикнула Марья, памятуя про нелюбовь отца к голой женщине.

– Орет ктой-то, – обернувшись, громко сказал с балкона Михаил Семеныч. – Аграфена! Глянь.

Груша, прибиравшая со стола, с чайником в руках вышла на балкон. Кричал дворник Рашид.

– Э-эй! Папашу бери!.. – доносилось снизу. – Папаша ваша!..

Груша перегнулась через перила:

– Чего крик поднял?

Рашид тыкал пальцем в пролетку под балконом:

– Папаша... папаша... совсем больная...

Груша сразу поняла, в чем дело: Петра Анисимовича привезли. Выпивши.

– У-у-у, – зарычал Михаил Семеныч, задом убираясь в комнату. – С черного хода пусть подадут. Срам-то!..

– Во двор вези! – перевела дворнику его слова Груша.

– Ты подумай, – улыбнулся Роман, – опять напился с утра пораньше.

– Ладно! – ударил Михаил Семеныч кулаком по столу. – Сопляк! С его поживи! Ступай, принять помощи! – Он полез в карман, достал деньги. – Аграфена! На. Дай татарину.

«А говорил – мелочи нет», – механически отметила Марья.

– Я тоже пойду за дедушкой, – сказала Аня. – Можно, дедушка?

– Ну сходи, – пробурчал Михаил Семеныч. – Дедушка старенький – заболел...

– Нет, – замотала головой Аня. – Он вино выпил.

Несмотря на соседство с Кабельным заводом, который сам по себе был вонюч, двор пах мокрым лесом. Мощные, тесно посаженные деревья не пропускали к земле солнечное тепло, и влажная от росы трава, от которой шел густой запах, просыхала только к вечеру, к началу новой росы. Под кленами стояли волглые, почерневшие от старости, уже даже не гниющие скамейки. Посреди двора увядала не обогретая солнцем клумба.

Рашид прыгнул с подножки пролетки, показывая, куда сгружать Петра Анисимовича. Рядом с дедушкиной большой сонной рукой лежал сплюснутый кулек с виноградом, несколько ягод выкатилось.

– А вы дедушку разбудить хотите? – спросила Аня. – Пусть он лучше поспит, он старенький. Он всегда так спит. Вон там! – она показала на каретный сарай.

Роман обернулся к сестре:

– Может, правда туда? А то на четвертый этаж...

– Нет, – решительно сказала Марья и поставила ногу на ступеньку пролетки.

Пролетка закрипела и накренилась. Петр Анисимович тихонько что-то пробормотал.

– Аня! Не ешь виноград – грязный, – раздраженно бросила Марья.

– А вон мама идет! – крикнула Аня. – И папа!

Марья сняла ногу со ступеньки – пролетка выпрямилась: Петр Анисимович опять что-то пробормотал. Марья пошла навстречу родственникам. Роман следом. Аня подобрала с пола пролетки виноградины и быстро засунула их в рот.

Пустые хлопоты

В тридцатом году в квартиру Бадрецовых-Степановых пришел комендант и заявил, что так дело не пойдет: шестьдесят семь метров на четверых (Груша не в счет) – по нынешним временам слишком жирно. Пожелтевшее удостоверение Георгия в том, что он «...выполняя ответственную работу на дому, имеет право на дополнительную площадь в размере 20 квадратных аршин», не произвело на коменданта впечатления. Липа кинулась искать обмен, пока не уплотнили. Переехали утром, после ухода соседей на службу, без лишних глаз, и еле успели. Когда взопревший комендант прибежал прекратить самоуправство, было уже поздно: последний ломовик, груженный скарбом, с Грушей, успокаивающей на коленях кота, зашитого в наволочку, выезжал из Пестовского.

Новый дом в Басманном был задуман как студенческое общежитие: шесть этажей – шесть длинных коридоров – один над другим. По обе стороны коридора маленькие квартирки, в каждой уборная и безоконная трехметровая кухня. В конце и в начале коридора – огромные балконы, планируемые для коллективного отдыха, но используемые для сушки белья. Задуман дом был в начале нэпа, выстроен – в конце и заселен не студентами, а обыкновенными семьями.

На двухкомнатную квартиру в двадцать пять метров на

четвертом этаже этого дома Липа и выменяла две царские комнаты в Пестовском с мраморным камином и каменной женщиной на балконе. Из всей родни Липа теперь единственная имела отдельную квартиру с телефоном, чем очень гордилась.

Поскольку осуществить Липину мечту отдать Люсю в немецкую школу не удалось – принимали только детей рабочих, – Люся училась в обыкновенной школе, а немецким занималась у фрау Циммер на улице Карла Маркса. А в Клубе железнодорожников на Новорязанской она училась художественному свисту.

Никаких напастей не было до тех пор, пока Аня не заболела дифтеритом. Дифтерит осложнился параличом, и ополумевшей от ужаса Липе сказали, что раз девочка умирает, пусть умрет дома. Аню протерли спиртом и выписали из больницы.

Три месяца Липу мотало в полудреме на табуретке возле кровати дочери, специально на табуретке, потому что со стула можно и не упасть, если заснешь. Днем же Липа работала старшим экономистом на Метрострое. Подключить Георгия к ночным дежурствам ей даже не приходило в голову, впрочем, и ему – тоже. По вечерам он учился на Высших счетно-экономических курсах и работал уже бухгалтером.

Аня выздоровела. Но Липа, похудев на восемнадцать килограммов, сама заболела чем-то непонятным. В конце концов выяснилось, что в голове у нее образовалась опухоль,

врач говорил – от переутомления.

Липа сначала полечилась, потом бросила это бессмысленное занятие и начала сосредоточенно готовиться к смерти. В семье последнее время никто не умирал, если не считать Петра Анисимовича, тихо скончавшегося в Рязани у старшей дочери, и поэтому Липа, оказавшись первой кандидаткой на тот свет, старалась подготовиться как можно обстоятельней. Главное – дети. Дочери.

Аня завещалась Марье, потому что младшую племянницу Марья любила, а Люсю недолюбливала. Была и вторая причина: Марья, мобилизованная в счет «тысячи», окончила Сельскохозяйственный институт и работала в Курской области директором совхоза, а деревенский образ жизни полезнее для восстановления здоровья Анечки, нежели городской.

Люся оставалась у Георгия, хотя спокойнее Липе было бы знать, что старшая дочь перейдет на воспитание к брату Роману.

Хоронить Липа велела себя в голубой шелковой кофточке, под цвет глаз, и обязательно не забыть хрустальную брошь. Похороны чтобы были скромные – в долги не влезать.

В старой, рассыпающейся записной книжке – по ней Липа прощалась с людьми, помогавшими ей в жизни, – она углядела почти стершийся карандашный телефон профессора Кисельмана, у которого лечилась, будучи курсисткой, и решила позвонить, просто так – отвести душу. Кисельман был жив,

говорил бодро и пригласил Липу показаться ему. «Сколько мне осталось жить?» – спокойно спросила Липа профессора после осмотра. Кисельман отвечать на глупые вопросы не стал.

– Такие вещи в мозгу растут не у всякого, – со значением сказал он. – Я назначу вам очень серьезную дозу рентгена, от которого ваша опухоль должна рассосаться. Только волосы на затылке будут не так густо расти, как хотелось бы.

– Как?! – всполошилась Липа. – Что значит «не так густо»? Облысею? Благодарю вас. Зачем же это – лысая?..

– Мадам! – вскричал профессор. – Жить хотите?!

– Жить? – тупо переспросила Липа. – Затрудняюсь вам даже ответить. Лысая?..

На четвертом сеансе она почувствовала себя лучше, а еще через две недели стала прибавлять в весе. Скоро она забыла, что собиралась умирать. Кисельман денег не взял, объяснив, что расплатиться за спасение жизни никаких денег у нее не хватит. От смертельного рентгена у Липы на короткое время вылезли волосы на затылке, потом отросли, но очень жидкие, и было смешно смотреть, как она по привычке поводит запрокинутой назад головой, распуская по спине несуществующую теперь волосяную тяжесть.

Хрустальную брошь стала надевать Люся на занятия художественным свистом.

Ночью из Иванова позвонил Михаил Семеныч и, плача, сообщил, что совсем болен, Шурка его бьет...

Липа сразу же, ночью, понеслась на вокзал.

...Отец лежал один, грязный, не в себе. Дом был пустой, даже кадки с пальмой, куда Роман в детстве выливал из озорства горшок, и той не было. Липа не стала ничего выяснять, собрала в чемодан, что осталось, и на следующий день вдвоем с возчиком на стуле втащила отца на четвертый этаж – лифт в Басманном, как всегда, не работал.

В Москве отец захулиганил. Во-первых, запретил называть последнюю свою жену, теперь уже бывшую, Шуркой.

– Она мне – не так себе!.. Она мне жена венчанная!.. Александра Васильевна! И всё тут! – Он стукнул слабой рукой по постели, выбив из одеяла легкую прозрачную пыль. – Груше велеть вытрясти.

Липа послушно кивнула и в конце кивка уперлась взглядом в отцову руку. Ладонь была широкая, короткопалая, с тупыми ногтями. Липа смотрела на свою руку: такая же, одна порода.

Отец полежал несколько секунд без слов, отошел от гнева и снова зашевелился.

– Икону – туда, – он вяло ткнул пальцем в угол, где висела подвенечная фотография Липы с мужем. – Тех снять!

– Это ж мы с Георгием, свадьба...

– Тогда перевесить...

– В комнате икону держать не буду! – заупрямилась Липа. – Люся – комсомолка, Аня – пионерка, Роман – член партии! Хочешь – на кухню?

Отец, насупившись, промолчал – согласился.

– «Устав» сюда! – пробурчал он.

– Ты же не видишь ничего, – тихо огрызнулась Липа.

– Не твое дело. И кури меньше, пахнет мне. «Устав»!..

Липа полезла под кровать за чемоданом. Достала старинную книгу в кожаном тисненном переплете с бронзовыми застежками.

– И образцы, – пробурчал отец.

– Раскомандовался!.. – Липа опять заковырялась в чемодане.

Она положила на постель толстенный альбом с образцами – кусочками тканей, рисунки и выделку которых отец сочинял всю жизнь.

Старик установил альбом с образцами у себя на груди, раскрыл его наугад и сквозь лупу посмотрел на яркие тряпочки. Подвигал лупой от себя, к себе, вправо, влево и закрыл альбом:

– Не вижу ни хрена! Спрячь.

Липа уложила образцы снова в чемодан, потянулась было за «Уставом», но отец отпихнул ее руку. Она застегнула чемодан, с визгом по линолеуму задвинула его под кровать и встала с пола, отряхивая колени.

Отец лежал лицом к стене.

– Шифоньер боком разверни, – не оборачиваясь, сказал он. – Для глаз спокойнее...

Липа ухватила за край платяного шкафа и с грохотом

повернула его, но неудачно: дверками вплотную к отцову спанью.

– Неверно поставила, – сказал Михаил Семеныч в стену. – Больше не тревожь, вечером Георгий придет – разворотите.

В квартиру постучали.

– Марусенька!.. – опешила Липа. – Почему стучишь – звонок ведь?.. Входи, милая...

– Живой? – задохнувшимся голосом спросила Марья.

– Господи! – всплеснула Липа руками. – Конечно, живой, какой же! Раздевайся...

– Посижу, – Марья плечом отпихнула Липу, пытавшуюся снять с нее шубу, и тяжело опустилась на табуретку. – Думала, не успею...

Она похлопала себя по бокам. Липа протянула сестре «Беломор», но Марья отвела ее руку и нашла все-таки свой «Казбек», покрутила папиросу в пальцах.

– Георгий позвонил – я все бросила... У меня завтра доклад на бюро...

– Господи боже мой! – Липа всплеснула руками. – Это все Жоржик! Я ему категорически запретила звонить тебе...

– Догадалась! – Марья гневно выдохнула дым. – Отец помирает, а мне – не знать!.. Рассказывай.

Липа села возле сестры, вздохнула...

– ...Значит, всё Шурка выгребла? – усмехнулась Марья, выпуская с шумом дым из ноздрей. – И пальму?

– Ее тоже, конечно, понять можно, – забормотала Липа, –

ходила за ним десять лет, за стариком...

– Ли-па! – Марья так посмотрела на сестру, что та запнулась. – Чего несешь!.. Какой старик? Какие десять лет!.. Он на пенсии-то с прошлого года...

– Да я к тому, что ничего, Марусенька, слава богу, живый...

– Морду бить поеду! – решительно сказала Марья. – Чаю попью и поеду. Посажу, заразу!

– Да ты что! – Липа схватилась за голову. – Маруся, я тебя умоляю!..

– Ладно!.. Не ной... Подумаю. – Марья кивнула на дверь: – Как он сейчас?

– Уснул. Утром был профессор...

– Который? – строго перебила ее Марья.

– Вяткин, он сказал, что...

– Почему не Кисельман?

– Кисельман умер, Марусенька, – виновато зашепила Липа. – Да все обошлось. Я думала – удар, а оказалось, ничего страшного...

– Лекарства?

– Все есть, не беспокойся, пожалуйста.

– Ну ладно. – Марья замяла папиросу о спичечный коробок, положила окурочку на сундук и встала. – Раздеться ведь надо. Ну здравствуй, Липочка. Господи боже мой!..

Сестры обнялись и, как всегда при встрече, всплакнули...

Марья вытерла платком глаза и высморкалась.

– Не озорует еще? Ты, Липа, смотри, если блажить начнет, я его к себе заберу в совхоз.

– Да не беспокойся, ради бога, Марусенька, все хорошо будет.

– Значит... мне позвонить к себе надо, насчет бюро. – Марья взяла трубку телефона. – И еще что-то хотела сказать, из башки вылетело... Але, але... Не отвечают... Я тебе денег привезла, не забыть бы...

Липа заотнекивалась, но Марья протянула ей сумку, чтобы та сама взяла в кошельке, и сделала командирское лицо. – Але, але, барышня, мне Поньри надо, Курской области...

– Чайку? – спросила Липа Марью, после того как та повесила трубку. – Устаешь, Марусенька?

– Не говори, Липа. С ног валюсь. Бегаю-бегаю, ору-ору, а толку? Какой я директор?! Я ведь баба городская. Конечно, партии видней, но... – Марья коротким резким жестом показала, что с этой темой – все. – В сумках посмотри, взяла, что под рукой было...

Липа, охая, заковырялась в сумках. Чай сели пить в маленькой комнате. Ехать обратно Марья Михайловна решила утром – на бюро все равно не успеет, так хоть выспится в кой-то веки. На отца Марья взглянуть забыла. Жив и жив, слава богу. Бить морду Шурке Марья раздумала.

За Михаилом Семенычем закрепили Липину с Георгием кровать, хотя у окна была другая, односпальная, – для Романа, если заночевывал. А оставался он часто, хотя и полу-

чил недавно собственную жилплощадь; Липа, сама никакой поздноты не боявшаяся, каждый раз умоляла брата поздно к себе не возвращаться: как-никак Фили – окраина.

Теперь отец лежал, утопленный в перине, за шифоньером на двухспальной кровати, а у окна возле комода жались на узкой койке Липа с Георгием. Георгий начал было ворчать: почему, мол, так, не по-людски, но Липа его тут же осадила: критиковать отца и все связанное с ним никому, кроме родственников по их линии, не дозволялось.

Но было действительно тесно, и потому, когда Георгий в очередной раз начал ворчать, Липа выдернула из-под него второй матрац и улеглась на полу. В таком расположении, удобном для всех, и стали жить: отец за шифоньером, Георгий у окна, Липа на полу, кот у Липы в ногах; в маленькой комнате дочери и Груша.

Роман приходил каждый вечер. И обязательно совал Липе деньги. Деньги Липа сначала брала, а потом наотрез отказалась, разрешив брату иногда приносить продукты.

Просто лежать и болеть Михаилу Семенычу было неинтересно, и по мере выздоровления он становился все невыносимей.

– Блажит? – спрашивал Роман.

– Озорует, – вздыхала Груша. – Рыбу просил. Вчера щуку купила, они говорят: «Ту-у-хлая», а она его – ать – хвостом по носу...

Роман засмеялся, Люся тоже прыснула, но Липа, поджав

губы, строго взглянула на брата, в смехе которого проявилась непочтительность к отцу.

– Люся! Иди учить уроки. Тройку за сочинение получила! Форменное безобразие. И тема-то какая хорошая: «За что враги убили Кирова?» Что тут сложного? Сергея Мироновича убили... потому что... в связи...

– Чего это ты меня как маленькую? – Люся недовольно фыркнула, но все-таки ушла.

Разложила на письменном столе тетради и учебники, немного выдвинула ящик и сунула туда раскрытый томик Мопассана.

– Отец вырос на Волге и привык к свежей рыбе, – подождав, когда дочь закроет за собой дверь, громко и с нажимом на слове «свежей» сказала Липа, – а твоя щука затхлая, пахнет тиной!..

– Вырос он, прямо скажем, не на Волге, а в казарме текстильной фабрики, ну да неважно, – Роман улыбнулся. – Хулиганит, значит, помалу?.. Я его к себе возьму.

– Да ты что, Ромочка! Да пусть себе, господи, велика беда!.. – залепетала Липа. – Скучно ему. Так – так так, чего ж теперь.

А Михаил Семеныч тем временем захулиганил уже покрупному.

Он захотел жениться. В пятый раз.

Позвал Липу, сел в постели и заявил, что – все, надо жениться. Больше так нельзя.

Липа внимательно посмотрела на него: нет, не тронулся, соображает, и речь чистая.

– Скоро подымушь – и сватать будем, – подытожил отец свое сообщение.

Груша ойкнула, чуть не выронив кастрюлю.

– Михаил Семеныч любит женщин, – строго сказала Липа, выгоняя взглядом домработницу из комнаты. Та послушно вышла. Липа закрыла за ней дверь поплотнее. – Куда же тебе еще жениться? Семьдесят лет. У тебя ж удар почти, а ты жениться... – Насчет «удара» Липа перебарщивала, желая возбудить в отце испуг.

Отец лежал молча, прикрыв глаза, чтобы не видеть дочь и не волноваться без толку.

– Ты же не татарин, – напирала Липа. – Верующий человек... Смотри, я Марусе сообщу...

Михаил Семеныч открыл глаза:

– Я тебе сообщу. Моду взяли... – Он полежал, обдумывая новую мысль. Липа молча ждала. – Тогда пусть из баб кто придет посидеть, – Михаил Семеныч прикрыл глаза, поделал сферические движения обеими руками возле груди, – толстая эта, с петухами.

«С петухами», то есть в красном китайском халате с драконами, была Василевская – монолитная интеллигентная вдова, жившая в конце коридора.

Василевскую он углядел – из-за шкафа, несмотря на плохое зрение, когда та забежала позвонить. Углядел и запом-

нил, запомнил и молчал, пока не почувствовал себя выздоравливающим.

Итак, он велел позвать Василевскую. Липа странную просьбу отца отклонить не могла, хотя в глубине чувствовала, что в ней что-то не то, и, подыскивая предлог, поплелась в конец коридора к Василевской.

Василевская пришла раз, пришла два. Она деликатно загибала простыню и присаживалась на постель, потому что стул поставить было некуда, а если и поставить, то тогда Василевская получалась очень далеко от Михаила Семеныча и ее было почти не видно, а только слышно, чего Михаилу Семенычу было мало.

Он просил ее почитать газеты вслух и поговорить по прочтении о политике.

– Англия – проститутка, – объявлял он для затравки, а Василевская, краснея от нехорошего слова, подхватывала беседу.

Во время третьего визита он, поговорив с Василевской о политике, сел в постели:

– А вы, я слышал, вдовица?

– Увы, – бесхитростно-беззащитно ответила Василевская и скорбно развела в стороны полные руки. Драконы на ее большом животе заволновались. – А ваша внучка Люся замечательно для своих лет владеет немецким языком, – желая порадовать больного, сообщила Василевская. – Она иногда забегает ко мне поболтать, для практики...

Михаил Семеныч поерзал, усаживаясь поудобнее, как бы пробуя себя на скручивание, покачался взад-вперед и вдруг, протянув руки, резко подался, схватил Василевскую и потянул на себя...

Китайский халат на вдове затрещал, она тяжело забилась в выздоравливающих руках Михаила Семеныча и, не вырвавшись, закричала. В комнату влетела Липа.

Василевская, с красным, как халат, лицом, отряхивалась посреди комнаты, а отец как ни в чем не бывало мирно лежал, утонув в перине, и смотрел в потолок.

– Вот! – гневно выдохнула Василевская и пальцем ткнула в голову Михаила Семеныча, вернее, в то место шифоньера, за которым его голова должна была находиться. – Вот!..

И, не попрощавшись, вышла из комнаты.

Липа подошла к постели и возмущенно уставилась на отца.

– Иди-иди, – зашикал на нее отец. – Уставилась... Своими делами занимайся, я спать буду... Бабу нормальную и ту позвать не могут. Всё. – Он отвернулся к стене.

Липа в ужасе стояла перед ним и молчала. Ее при совершении кем-либо родных сомнительного проступка всегда беспокоил не сам проступок, а общественный резонанс, им производимый. Сейчас она больше всего боялась быть ославленной в коридоре, а затем, не дай бог, и во всем доме.

Пока Липа решала, как быть и что предпринять, вспоминая, что в таких случаях советуют делать медицина, опыт

ближних и произведения художественной литературы, отец спать раздумал и повернулся лицом в комнату.

– Вам пюре намять, Михаил Семеныч? – крикнула из кухни Груша, стараясь смягчить обстановку.

– Каши хочу черной. Вразварочку.

– Хулиган, – выдохнула Липа и ушла на кухню.

– Я Роману пожелаю, – сказала она через полчаса, заходя в комнату с кастрюлькой в руках.

– Я тебе пожелаю! – выкрикнул отец и тихо ойкнул, хватаясь за сердце. – Ка-апелек...

Выздоровление отца, бывшее уже очевидным, неожиданно отложилось. Вероятно, внезапный отпор Василевской нанес его неокрепшему организму моральную травму. А может быть, Василевская во время освобождения от посягательств толкнула Михаила Семеныча сильнее необходимого. Липа, во всяком случае, приписывала ухудшение здоровья отца именно травме физической, хотя и скрытого характера. Она перестала здороваться с Василевской и запретила Люсе говорить с вдовой по-немецки, а также и просто по-русски.

Подошла весна. Михаил Семеныч встал. Липа возвращалась с Метростроя поздно. Днем отцом занимались Груша и Аня после школы, потому что у Люси по-прежнему был художественный свист и немецкий язык у фрау Циммер. А кроме того, Люся невзлюбила деда, который лишил ее дополнительной практики в немецком языке у Василевской.

Липа на недоуменные вопросы дочери, чем же все-таки

Василевская обидела дедушку, помявшись, отвечала: «Она его оскорбила».

Георгия повысили – теперь он стал заместителем главного бухгалтера. Липа не знала, как реагировать на его повышение, и чем дольше думала, тем ошеломительней был результат ее раздумий. Она вдруг с неслыханной силой взревновала мужа. Взревновала не к кому-то определенному, а ко всей заводской бухгалтерии. Кое-какое формальное основание для ревности у Липы имелось потому, что Георгий, во-первых, все еще был красив, а во-вторых, штат его состоял из женщин, две из которых во время нэпа слыли девицами легкого поведения, а сейчас считались просто красивыми женщинами.

– Набрал профур, а у тебя дочери – девушки, – роптала Липа.

Георгий не испытывал от ревности жены удовольствия, потому что к Липе он давно особых чувств не питал и, чтобы прекратить неумелые и нелепые претензии, просто сказал ей:

– Ну чего ты с ума все сходишь?! Они же у нас все какие-то паршивенькие, горбатенькие... Не дури.

Липа облегченно перевела дух и ревновать перестала. Как потом выяснилось, ревновала она не по собственному почину, а по совету старшего товарища по службе на Метрострое, хотя ей, Липе, и подчиненного – экономиста Элеоноры Альфредовны.

Георгий приходил домой, ужинал, читал вслух газеты для себя и выздоравливающего тестя и отправлялся прогуляться. Когда выдавалась возможность, он шел в школу – к классной руководительнице Анечки, послушать, как та в сотый раз будет хвалить его младшую дочку. К Люсе на родительские собрания он старался не заходить, потому что Люся училась плохо, а кроме того, он уже начал ее безотчетно побаиваться.

– Смотри, Люська, будешь плохо учиться – отдам в бухгалтерию, – воспитывал он иногда дочь, набравшись храбрости.

Бухгалтерию свою Георгий не любил. Иногда вечером Георгий отстранял Грушу от грязной посуды и мыл ее сам, приговаривая при этом:

– Вот эта работа приятная! Была грязная посуда – стала чистая; это тебе не отчет писать!

...Днем Михаил Семеныч, надев валенки, гулял на балконе с котом, которому Липа вот уже шесть лет забывала придумать имя. Отец сидел на балконе, огромном, как зал, среди развешанных для просушки простыней. Груша время от времени проверяла его, звала обедать, укладывала отдохнуть и снова выпускала на воздух.

Старик на балконе скучал. Он уже изучил все тонкости двора. Если из подвала соседнего корпуса валил пар, значит, был вторник либо пятница – работала прачечная. Если вдруг посреди недели люди с шайками шли в сторону Разгуляя, значит, был четверг и татары шли в баню.

Выпустив Михаила Семеныча на балкон, Груша запираала его снаружи на ключ, как велела Липа, чтобы отец не ушел куда-нибудь и не осрамил ее дополнительно. Беспокоилась на этот счет Липа не напрасно: два раза балкон забыли запереть – и отец, воспользовавшись свободой, тихо скребся в квартиру Василевской. К счастью, Василевской не было дома. Но о действиях Михаила Семеныча Липе было доложено со всеми подробностями лифтершей Дусей, внимательно следившей за ним сквозь специально не заделываемую щель в двери. Щель не нравилась многим в коридоре, но Дуся все равно ее не заделывала. Иногда Аня затыкала щель тряпочкой или бумажкой, на что Дуся жаловалась Липе. Липа умолила лифтершу не распространяться в коридоре об отцовских проделках, Дуся согласилась, но взяла с Липы обещание, что та выпорет дочь за шалости с дверью. Аню Липа пороть не стала, а сделала внушение Груше, чтобы та следила за отцом старательней.

Лето подошло вплотную. Михаил Семеныч оклемался полностью, и теперь ему разрешалось гулять возле дома и даже в Саду Баумана, правда под присмотром Анечки. Люсе было не до того, она уже стала совсем взрослая, у нее появились прыщики на лбу и темные волоски под мышками, в облике проступила некоторая интересность. Ощущая свое повзросление, Люся категорически отказалась тратить свободное время на гулянье с дедом.

Михаил Семеныч велел Липе купить ему репейное масло и пояснил: для смазывания волос, чтоб активнее росли.

– Чему расти?! – удивилась Липа. – У тебя ж волос-то не осталось.

– Будут, – недовольно буркнул тот. – Твое дело масло купить, а не спорить.

Масло Груша купила, и теперь Михаил Семеныч каждый раз перед гуляньем мазал лысину репейным маслом.

В июне началась жара. Окна держали открытыми. Молокозавод под окном тархтел круглосуточно, казалось, что он-то и нарабатывает эту жару. Михаил Семеныч жаловался, что трудно дышать, и винил толстую черную трубу молокозавода, говоря, что от нее вонь и нагрев. Похоже, старику действительно было тяжело, потому что, когда Липа решила проверить, не блажит ли отец, и намекнула, что у Марьи Михайловны в совхозе, мол, воздух чистый, отец неожиданно согласился поехать к старшей дочери.

Липа сообщила сестре. Та подтвердила согласие и велела плюс к отцу привезти к ней Аню: начались каникулы и нечего ребенку болтаться в городе. На воскресенье были куплены билеты.

В субботу вечером Михаил Семеныч с Георгием решили попрощаться как положено. Михаил Семеныч чувствовал себя удовлетворительно, вполне пригодным для проводов.

Липа хлопотала с отъездом: стирала, гладила, упаковывала чемоданы – словом, была занята, и когда отец с Георги-

ем заявили о желании прогуляться, отнеслась к их плану без внимания и выпустила на улицу.

– Деньги-то у тебя хоть есть? – хмуро спросил Михаил Семеныч Георгия на выходе из подъезда.

В глубине этого вопроса помещалось легкое презрение к недостаточной, с его точки зрения, самостоятельности зятя.

– Миха-а-ал Семеныч! – полуобиделся Георгий, показывая тем самым, что вопрос тестя по меньшей мере неуместен: конечно, деньги есть, хотя на самом деле денег было мало.

В Сад имени Баумана они вошли медленно и как бы незаинтересованно, что отчасти соответствовало самочувствию Михаила Семеныча. Георгий же хоть и испытывал некоторое возбуждение в преддверии «прощания», перед тестем суетности обнаружить не желал и потому был степенен более, чем требовал темп прогулки.

Они не спеша брели вглубь сада. Ни в летний театр, ни в кино билетов не покупали, значит, и не намеревались их посетить. Пока они шли зигзагами – от аттракциона к аттракциону. Из-за плохого зрения Михаил Семеныч не мог пострелять в тире, хотя очень хотел. Пострелял Георгий. Безуспешно, чем порадовал, вернее, не расстроил тестя. Михаил Семеныч подождал, пока зять управится в тире, и вместе с ним пошел ломать рога упрямому металлическому бычку со стрелкой на лбу, указывающей силу рук ломающего. Несмотря на пожилой возраст и недавний постельный режим, Ми-

хаил Семеныч обнаружил значительную силу рук в сравнении с силой рук зятя, чем тоже остался доволен. А чтобы подкрепить неслучайность своей силы, ударил деревянной кувалдой по вблизи от быка стоящему силомеру. И здесь он оказался на высоте.

– Расплатись, – через плечо, не оборачиваясь, бросил он Георгию. Заканчивать аттракционы они зашли в комнату смеха.

Михаил Семеныч глядел на уродства в зеркалах и не мог решить, как себя вести. С одной стороны – смешно, а с другой... Чего ж смешного, если старый (он поправился – «солидный», слово «старый» применительно к себе он не любил), если солидный, заслуженный человек с рабочим стажем больше шестидесяти лет, технический руководитель ткацкого объединения, которого на пенсию провожал сам замнаркома, Михаил Семеныч Бадрецов в присутствии зятя так безобразно отражен в зеркалах. Пока он раздумывал, медленно проходя вдоль зеркал, комната смеха кончилась. Георгий хохотал... Михаил Семеныч сдержал проступивший все-таки смех и недовольно откашлялся.

Аттракционы остались позади. Заложив руки за спину, оба по-прежнему молча брели вперед. Справа в огромной фанерной раковине духовой оркестр слепых играл «Амурские волны». Георгий вопросительно глянул на тестя; Михаил Семеныч, несмотря на равнодушие к музыке, кивнул головой и направился к задним скамейкам.

Но оказывается, слепые уже заканчивали музыку. Георгий в хорошем более обычного настроении от «Амурских волн» улыбнулся тестю:

– Давай сфотографируемся.

– У-у-у... – сморщился Михаил Семеныч, но не потому, что не хотел сфотографироваться, а потому, что инициатива исходила не от него.

Они пошли дальше. Слева за высокой оградой, облепленной мальчишками, шумела музыка. Но не плавная, как у слепых в раковине, а дерганая, нехорошая...

– Чего там? – Михаил Семеныч недовольно сморщился в сторону шума. – Поют?..

– Танцы, – ответил Георгий и чуть было не предложил тестю заглянуть туда. – Для молодежи, – добавил он строгим голосом. – Люська уже бегают потихоньку... Хорошо танцует... Роман научил.

Михаил Семеныч вскинул брови:

– Мой?

– Наш, – подтвердил Георгий. – Поехал в санаторию язву закрыть, а привез фокстрот... Да сейчас это ничего, можно...

– Выдрать ее! – буркнул Михаил Семеныч. – Моду взяли... Ты Липу вот спроси, как я их сек, если что... В кровь. Зато не стрекулистки...

– Давай сфотографируемся, – перебил его Георгий. – Пять минут – и снимок. На память. А то когда еще. Давай...

– У-у-у... – отмахнулся Михаил Семеныч, недовольный, что его перебивают повторно. – Вперед иди.

Ресторан «Грот» находился не на основной аллее сада, по которой они шли, а немного сбоку, однако каким-то образом они оказались именно на этой боковой аллейке.

«Грот» действительно находился в гроте, воспроизведенном в натуральную величину в искусственно созданной горе, наверху которой стоял каменный горный козел, напрягшись перед прыжком в небо.

Посещение ресторана произошло само собой, без обсуждения.

Михаил Семеныч вошел на веранду ресторана и сел за ближайший столик, безучастный и как бы недовольный тем, что оказался втянут в подобную непристойность.

– Жарко, – проворчал он, снял картуз и вытер лоснящуюся от репейного масла лысину. К столику подскочил официант.

– Значит так!.. – потирая ладони, сказал Георгий.

– ...Я чего говорю, – Михаил Семеныч отхлебнул пива, аккуратно, чтобы не капать в стакан, отжал намокший ус и отломал у рака вторую клешню. – Мы с Абрам Ильичом, аптекарем, на Москве-реке были в парке Горького. Тоже жарко. Там купальня, освежались... В прокат дают. Недорого: трусы – пятиалтынный, а супруге Абрам Ильича – за четвертак все что положено, – Михаил Семеныч показал «что положено» и вздохнул. Вздыхал он всегда, когда говорил о жен-

щинах. Он помолчал, занятый раком, и вдруг рассердился: – Ну а кроме пива-то, что? Всё?!

...Когда они вышли из ресторана, уже смеркалось. В походках их, особенно Георгия, чувствовалась неуверенность. Михаил Семеныч держался устойчивее, так как был потолще и покороче.

– Давай сфотографируемся, – предложил он Георгию, проходя мимо фото. – На память...

– Да-а-а... – Георгий кивнул расслабленной головой.

Зашли в «Моментальное фото». Мастер усадил их на плюшевую козетку и велел приготовиться, то есть чтобы Георгий открыл глаза. Михаил Семеныч пытался возбудить зятя от дремоты, но тщетно. Фотограф, поняв ситуацию, снял их как есть.

В ожидании карточки они сидели на лавочке возле фотомастерской.

На танцверанде гремел оркестр. В паузах между танцами доносились громкие голоса и музыка из летнего кинотеатра.

Михаил Семеныч сидел сначала прямо, но вдруг неосторожно дернулся, вышел из равновесия и стал медленно заваливаться в сторону Георгия. Тот принял плечом Михаила Семеныча и так и оставил его прислоненным к своему плечу, не возвращая в прежнее положение.

Фотограф вынес снимок и постучал в спину Георгия:

– Заказ готов. Два рубля, пожалуйста.

– Зачем? – спросил Георгий, стараясь придать голосу

трезвую солидность. Он открыл глаза. – Что это?

– Это вы с папашей. С ними, – фотограф уважительно, не тыча пальцем, движением корпуса указал на Михаила Семеныча.

Георгий достал кошелек и подал фотографу. Тот покопался в кошельке, вынул два рубля, повертел их перед глазами Георгия и сунул кошелек обратно Георгию в карман.

Георгий пробормотал «спасибо» и задремал, откинувшись на спинку лавочки. На плече его храпела голова Михаила Семеныча.

Снимок выпал из руки Георгия и лег возле его ног на гравевую дорожку.

Какой-то прохожий поднял снимок, отряхнул его и, сложив пополам, засунул Георгию в нагрудный карман, при этом потревожив Михаила Семеныча. Михаил Семеныч встрепенулся, отпихнулся от плеча зятя и преувеличенно твердым шагом направился к телефону-автомату. Набрал номер.

– Клавдию. Бадрецов говорит... Намерен вас посетить.

– Поныри! – выкрикнула проводница. – Три минуты стоим, кому выходить – поспешайте!..

Первой вылезла из вагона Липа, потом спустился Михаил Семеныч, поддерживаемый Аней. Проводница подала чемоданы, корзину и огромную круглую коробку с тортом.

Липа пересчитала места и огляделась. На станции никого

не было.

– Задерживается... – неопределенно пробормотала она, оправдываясь перед отцом за отсутствие встречи.

Михаил Семеныч недовольно кашлянул.

Из открытого окна станционного здания с вывеской «Поныри» высунулась рука, нащупала веревку, исходящую из маленького колокола над окном, проплыл слабый звон. Состав зашипел, дернулся, а из-за угла выкатилась бричка и тихо подъехала к прибывшим.

– Слава богу, Семен Данилович! – с облегчением сказала Липа. – Это Машенькин конюх, – пояснила она отцу.

– Марь Михайловна в поле. Сенокос, велела вас встретить. Значить вот, приехали... С приездом! – Он посмотрел на сидящего на чемодане Михаила Семеныча и тихо спросил Липу: – Папаша-то у вас как, движается или помочь?

– Спасибо, не надо, – ответила Липа и схватилась за чемоданы, чтобы положить их в бричку.

– Липа! – одернул ее Михаил Семеныч.

Липа послушно опустила чемоданы на землю.

– Грузи, – кивнул Михаил Семеныч конюху.

Марья Михайловна жила при конторе совхоза. Заводить хозяйство она, одинокая, не стала и от полагавшегося ей директорского дома отказалась. Двух комнат при конторе одной вполне хватало.

Пока конюх перетаскивал чемоданы и ставил самовар, Липа расспрашивала про директорскую жизнь сестры.

– Да что об них говорить!.. – Конюху надоело увиливать от ответа, он остановился возле Липы с самоваром в руках, поставил его на землю и махнул рукой: – Всё сами, всё сами, а толку?.. Сенокос вон начали, а кто ж в эту пору сенокосит? С виду-то травы встали, а посмотреть: не выстоялись, иссохнуты – скотине жрать нечего. – Конюх развел руками и, видно испугавшись своей разговорчивости, добавил: – А так-то они женщина положительная, старательная... Пирогки к вашему приезду взялась чинить, да вызвали...

Михаил Семеныч сидел под вербой и чувствовал, что хочется ему рассердиться, но объекта для недовольства пока не находил. Мычали коровы, солнце садилось в пруд. Он задремал. Сквозь дрему с закрытыми глазами Михаил Семеныч миролюбиво отбивался от немногочисленных комаров, попискивающих возле его картуза...

Аня внимательно следила, как надувается на руке деда комар, но не убивала его. Комар раздувался все больше и больше. Михаил Семеныч укуса почему-то не чувствовал, красное брюшко комара округлилось, и наконец он, упершись передними лапками в тугую синюю жилу на руке деда, не торопясь вытянул хоботок и перевел дух. Аня занесла руку, чтобы его прихлопнуть, но в последний момент раздумала, так безвинно вел себя комар. Он посидел на руке Михаила Семеныча, подпрыгнул и, тяжело неся налитое брюшко, медленно поплыл в сторону.

Аня поглядела вокруг.

– Мама! Смотри, какой большой лопух!

– Не трог! – одернул ее Семен Данилович. – Это борщевик. Для пчел медонос, а людям вызывает почесуху... Марья Михайловна! – вдруг сказал он, прислушиваясь к далекому конскому топоту. – Едут!

Аня повернула голову:

– Нет никого.

– Как нет, сейчас будут, – проворчал конюх. – Я коня за всегда узнаю. Мальчик-то вон он, засекает...

– Тпру-у-у! – грубым, охрипшим голосом крикнула Марья.

Михаил Семеныч потревоженно открыл глаза, с недовольным видом сложил руки на груди.

– Он же тебя разнесет! – воскликнула Липа. – Как же ты не боишься, Марусенька?!

Марья – похудевшая, легкая, тоненькая, в мужских бриджах, заправленных в сапоги, – соскочила с седла и закрутила поводья за вербу.

– Господи! – она всплеснула руками. – Как же я вас заждалась!

Началась встреча. Липа с Марьей заплакали. Михаил Семеныч с удовлетворением переждал основной плач и осадил дочерей:

– Ну все, все, будет...

Марья легко оттолкнула зацелованную Аню, громко высморкалась, вытерла глаза косынкой. Развязала торт, поню-

хала.

– Зачем привезли? – недовольно спросила она. – Сколько раз говорить: ко мне едете – не брать ничего! Я хозяйка!.. Семен! Выкини, прокис!..

Конюх взял торт и пошел выкидывать, но по дороге раздумал и положил его в бричку.

Торт был свеж или почти свеж, так как покупался вечером у Елисеева, тем не менее Михаил Семеныч с удовлетворением кивал головой: все правильно, как учил, как воспитывал, гость – святое дело. И сам до недавнего времени только этого правила держался. Каждое лето в Иваново приезжала вся родня: Липа с семьей, Марья, Роман. В те годы Шурка – сначала прислуга, потом жена – целый месяц безмолвно обхаживала всех да плюс еще Грушу. Липа брала ее для помощи, но отец и Грушу причислял к отдыхающим и от хозяйственных забот отстранял.

– Марья Михайловна, самовар поспел!

– Я чай не буду, – пробурчал Михаил Семеныч. – Спать буду, устал.

– Сейчас постелю, – сказала Марья покорно, но с некоторым напряжением.

Уложили отца, сели за стол.

– Ну вот, Марусенька, все, слава богу, хорошо. Все живы. А где Аня?.. Аня! Иди пить чай.

– Тетя Марусь! Мальчик отвязался!

– Отвязался? Он есть хочет. Отведи-ка его на конюшню,

Анечка. Мальчик!

Мерин оторвал тяжелую голову от земли, посмотрел, кто зовет, и, обрывая на ходу прядь травы, боком побрел к окну. Марья спустилась с крыльца, погладила мерина и, засунув ногу племянницы в стремя, запихнула ее в седло.

– Что ж это ты у нас такая конопатая? – Марья улыбнулась девочке. – Прямо сорочье яичко...

– А-а, пройдет!.. – Аня махнула рукой, без страха устраниваясь в седле.

– Упадет! – заверещала Липа. – Свалится!

– Он тихий. Домой иди. – Марья хлопнула мерина по бугристой, накусанной паутами ляжке.

Марья стала подогрывать самовар, а Липа перешла к московской жизни:

– ...Врач говорит, у него не израсходованы мужские потенции...

– Чего-чего? – Марья резко смахнула со скатерти несуществующие крошки. – По-тен-ции!.. Кобель старый!.. – И, устыдившись своих слов, смягчилась: – А чего он так устал, вроде дорога не очень долгая?.. В купейном ехали?

– В купейном... – подтвердила Липа.

Рассказывать про вчерашний поход отца с Георгием в Сад Баумана она не стала.

– Как у Романа дела?

– Все учится... И техникум с отличием кончил, и институт так же хочет... Начальник подстанции.

– Заочно учиться тяжело, по себе знаю, – вздохнула Марья.

– На вечернем полегче, – ободрила ее Липа. – На пятый курс перешел. Еще бы женился...

– Да уж пора. Полысел...

– Сейчас лысых много, – успокоила ее Липа. – Отцу-то нравится, что Ромка лысый, порода видна. Я ему говорю: ты бы женился, Рома, и мне, и Марусе спокойнее было. А он: не могу. Какая семья, пока учусь...

– Правильный подход... – Марья выпустила дым.

– Аня дорогу обратно найдет? – забеспокоилась вдруг Липа.

– Да это рядом. – Марья стряхнула пепел в раскрытый спичечный коробок. Липа, поискав по сторонам пепельницу и не найдя ее, пододвинула к сестре блюдо. – Чего про Люську не рассказываешь? – спросила Марья. – Чего с учебкой надумала? Или так... один свист и будет?..

– Ты очень раздражительна стала, Машенька. В санаторию бы тебе...

Марья посмотрела на сестру с чуть брезгливым состраданием:

– О чем ты говоришь, Ли-ипа! – Она поглядела по сторонам. – Сейчас такая санатория, не приведи господи! Вчера Михайлова... – Она махнула рукой.

– У нас на Метрострое тоже... – закивала Липа.

– Ты-то не волнуйся, – успокоила ее Марья. – Ты беспар-

тийная, с тобой все в порядке. – Помолчала, подумала. – Не хотела тебя волновать, но скажу... Сиди спокойно, чего побелела? Слушай. Если со мной что-нибудь... Ну ты понимаешь. Семен, конюх, пришлет тебе письмо: мол, Марья Михайловна уехала в командировку. Поняла, ясно? Ну вот, с этим – всё. Теперь – про Люську. Куда будет поступать?

– Она предполагает в Торфяной, – робко промолвила Липа, наблюдая за реакцией сестры. Та молчала пока, только шумно выдувала дым через ноздри. – От дома недалеко. И экзамены полегче. И контингент студентов высокий: дети академиков, наркомовские... Репрессированных...

– Чаю! – раздался голос Михаила Семеныча. Он сел, отер лысину и, чтобы зря не пропадала строгость, добавил: – А верхом – ты это, Марья, брось! В мужских портках! Никакой солидности! Ты же не просто так, ты директор. И не кури при отце!

Марья раздраженно крутанула в блюде не до конца потушую папиросу, источающую еле заметный дым. Липа подала отцу чай.

– В стакане! – отвел ее руку с чашкой Михаил Семеныч. – Тебе жакет надо, юбку черную... Варенья на столе не вижу... Сливового.

Марья поднялась за вареньем. За ней поспешила Липа.

– Отвыкла, – виновато пробормотала Марья. – Не могу вот так вот с места в карьер перестроиться.

– Может, мне его забрать все-таки, Машенька? – виновато

то, потирая руки, спросила Липа.

Марья обернулась к сестре, обняла ее и поцеловала:

– Да что ты, Липочка, говоришь? Обойдется как-нибудь.

Слава богу, живы-здоровы... Обойдется.

Мычали коровы, солнце почти совсем ушло в пруд, от него осталась только маленькая желтая горбушка.

Люся вышла замуж

Зимой Люсю затошнило, а когда «неукротимая рвота беременных», как для внушительности называла токсикоз Липа, прекратилась, с Финляндией был заключен мир. Стал длиннее рабочий день, на улицах появилось много мальчиков в форме ремесленных училищ. Старинный друг Георгия по Павловскому Посаду Митя Малышев, приходивший до Финской кампании по воскресеньям в Басманный в гости с женой и сыном Витей, стал приходить реже и только с женой: Вите отрезали отмороженную на войне пятку, а с палочкой он ходить по гостям стеснялся.

Беременность Люся долго скрывала, пока ее не начало поминутно рвать и все стало безразлично.

Виновником Люсиного состояния оказался ее однокурсник Лева Цыпин.

Слевой Люся работала в паре на практике по геодезии. Потом в той же паре они остались немного подработать гео съемкой в колхозе под Калинином. Когда Аня, ездившая проведать сестру, рассказывала дома, какие там прекрасные места и что спят Лева с Люсей на сеновале, Георгий сказал: «Э-э... ребята...» – и сделал жест, будто оглаживал бороду. Липа, естественно, была возмущена таким гнусным предположением.

Состояние Люси давало основание для законного аборта,

но Липа категорически запретила дочери даже говорить об этом, а Георгию – думать: первый аборт, последующее бесплодие... Люся будет рожать.

Марья по телефону кричала, что надо написать на негодя в райком комсомола.

Не зная, на что решиться, Липа позвонила Роману, сказала, надо поговорить. Роман обещал приехать вечером.

Аня встревожилась. Из художественной литературы ей было известно, что благородные молодые люди женятся иногда на обесчещенных не ими девушках. А вдруг Роман решит жениться на Люсе? Это никак не входило в Анины планы, потому что она давно уже решила сама выйти за Романа, как только ей исполнится шестнадцать лет.

Она узнала у Василевской – Василевская юрист, – такой брак возможен, потому что Роман не родной мамин брат, а единокровный, сын маминой мачехи.

Так что Роман Аню вполне устраивал. Он, правда, не подозревал, что ему предстоит жениться на Ане, но наверняка обрадуется, когда она ему скажет. Потому что она красивая. Может, у нее и ноги толстоваты, и веснушки, но раз все говорят, что она похожа на тетю Марусю, – значит, красивая. А веснушки можно свести. Врач Института красоты на улице Горького сказал ей: «Получите паспорт и приходите – сведем». Люся, правда, тоже красивая: и ноги стройные, и глаза большие... Но у Люси еще одно главное преимущество – взрослая.

Роман не предложил Люсе выйти за него замуж. Он только запретил жаловаться; никаких кляуз, сказал он, не надо ни перед кем унижаться. Ребенка он усыновит.

А кроме того, при теперешнем международном положении аборт – поступок антиобщественный.

Михаилу Семенычу, проживающему теперь у Романа, решили во избежание осложнений ничего не сообщать. Липа успокоенно перевела дух, разложила швейную машинку «Гритцнер», подаренную ей отцом на свадьбу, не забыв в тысячный раз вспомнить, что «Зингер» стоил сто пятьдесят, а «Гритцнер» двести золотом, и расставила Люсе платье. На весну.

Лева – герой романа – в Басманном не показывался.

Весна еще толком не началась, когда позвонила Александра Иннокентьевна, мать Левы, и сказала, что, к огромному ее огорчению, она только вчера узнала о положении вещей и очень бы хотела познакомиться со своей будущей невесткой и ее родителями. Если они не возражают, она будет рада принять их у себя.

Перед знакомством Липа выяснила у Люси род деятельности и социальное положение будущих родственников, впрочем, не очень внимательно, ввиду срочности. Сначала про отца. Про отца Левы Люся сказала, что не знает, кем и где он работает, но точно знает, что он нерусский... В этом месте Липа понимающе кивнула головой – Цыпин же. Люся помолчала и сообщила, что Александр Григорьевич недавно осво-

бодился из заключения, где ошибочно провел два года. Липа схватилась за голову, потом за папиросы и остальную информацию про родственников слушала уже вполуха. Запомнила, что сама Александра Иннокентьевна носит девичью фамилию Щедрина и работает по борьбе с грызунами. Старшая сестра Левы преподает в школе историю.

...Александра Иннокентьевна, высокая седовласая дама в пенсне, открыла дверь и поцеловала не по годам повзрослевшую румяную Аню: «Здравствуй, милая». Аня смущенно приняла ее поцелуй и уступила место Люсе, исправляя ошибку Александры Иннокентьевны. Люся, подурневшая от недавнего токсикоза, недовольно выслушала извинение будущей свекрови, ткнулась губами в ее напудренную щеку и отошла к вешалке. Александра Иннокентьевна энергично пожалала руку Георгию, протянула руку Липе, но Липа в это время расстегивала боты, и рука Александры Иннокентьевны на лишнее время зависла в воздухе. Георгий постучал жемчу пальцем по спине. Липа выпрямилась и в замешательстве потянулась целоваться со сватьей. Александра Иннокентьевна не успела увернуться. Пока Липа говорила слова приветствия, она заметила на груди Александры Иннокентьевны значок «Ворошиловский стрелок» и пожалела, что не надела свой – «Ударник Метростроя».

– Прошу, – пригласила Александра Иннокентьевна, открывая двухстворчатую высокую дверь в комнату.

«Как у нас в Пестовском», – подумала Липа и тихо сказала

Георгию:

– Белого не пей.

Георгий поморщился:

– Опять ты за свое мещанство!..

Навстречу гостям с дивана поднялся Александр Григорьевич, похожий на немолодого армянина.

– Цыпин, Александр Григорьевич... Отец виновника, так сказать, нашего с вами... торжества. Очень рад. Прошу к столу.

Стол был и правда торжественный. Перед каждым стояло по три сервизные тарелочки мал мала меньше стопочкой, справа от тарелок на серебряных перекладках лежали приборы, касаясь белоснежной скатерти только черенками, а слева – из серебряных колец торчали жесткие салфетки. Аня села за стол, не зная, куда деть руки; Липа, не обращая внимания на убранство стола, поглядывала на дверь, ожидая выхода жениха, Георгий сел за стол и растерялся, а Люся, небрежно скользнув взглядом по роскоши, чуть заметно усмехнулась: ориентируется – свои возможности она знала.

В комнату впорхнула полная суетливая женщина, сестра Левы Оля. Она принесла на блюде заливное, проворковала что-то, здороваясь, и снова унеслась на кухню. Люся с удовлетворением отметила про себя, что Оля немолода и чуть рябовата, несмотря на пудру. Над диваном Александра Григорьевича висел большой портрет человека, кого-то Липе смутно напоминающего и одновременно очень похожего

на Александру Иннокентьевну. Липа уже решила спросить, не папаша ли это хозяйки, но, садясь за стол, разглядела у самой рамки блеклые латинские буквы: Вольтер.

– А где же Лева? – спросила Липа.

– Мама! – одернула Липу Люся.

Липа вздрогнула, Александра Иннокентьевна удивленно повела бровью.

– Люсенька сейчас стала такая вся нервная, прямо я не знаю... – забормотала Липа. – А скажите, пожалуйста, Александра Иннокентьевна, на инструменте, – Липа кивнула на пианино, – вы играете или члены семьи? – Этим чисто светским вопросом Липа как бы аннулировала неудачное «Где Лева?».

– В музыкальном искусстве, Олимпиада Михайловна, к большому сожалению, мы все бесталанны, – кротко ответила Александра Иннокентьевна, рассекая заливное. – Пробовали Левику научить, а он от учительницы во дворе в дровах прятался.

– В дровах?! – воскликнула Люся и осеклась.

– А наша Люся занимается художественным свистом, – сообщила Аня.

– Аня! – Георгий на всякий случай нахмурился.

– Почему, Жоржик? – одернула мужа Липа. – Это очень красиво. Люсенька, посвисти нам, пожалуйста.

– Господи! – сквозь зубы прошипела Люся, закатывая глаза.

– А вот и я... – мелко прихихикивая, Оля поставила на стол блюдо с пирожками и очень мило сложила губы бантиком. – Бульон с пирожками... Я думаю, никто не будет возражать? Мама, а почему бутылки до сих пор не открыты?

Александр Григорьевич занялся бутылками.

– Не пей белого, – повторно напомнила Липа мужу.

– А руки-то мы и не помыли, – сказала Люся.

Пока все Бадрецовы на кухне мыли руки, Александра Иннокентьевна говорила по телефону в коридоре, время от времени переходя на французский.

– А чего он тебе врал, что у них телефона нет? – шепнула Аня. – И что Шуберта играет. Люсь, ну его! Врет все время!

Новые родственники скучились на выходе из кухни, Александра Иннокентьевна закончила разговор.

– А невестушку-то как звать-величать? – раздался за спиной Люси скрипучий голос.

– Люсенька, – сказала Александра Иннокентьевна, одной рукой приобняв Люсю за плечи. – Познакомься, милая, это Дора Филимоновна.

Коротенькая толстая Дора Филимоновна поклонилась, скрестив руки на пухлой груди.

– Желаю вам в скором времени переменить фамилие... В нашей квартире жить намереваетесь?

– Ну что вы, Дора Филимоновна, – заворковала Оля, подавая гостям полотенце, – у родителей Люсеньки прекрасные жилищные условия.

– А тебе бы тоже неплохо фамилии поменять, – уже чуть сварливым голосом сказала соседка.

– Ха-ха-ха, – тоненько захихикала Оля.

Наконец все снова сели за стол, и Александра Иннокентьевна поднялась с бокалом в руке.

– А где же все-таки Лева? – уныло спросила Липа.

– Ха-ха-ха... Вы знаете, Олимпиада Михайловна, я ведь историк по профессии, прошу простить мне историческое сопоставление... Наполеон, когда сочетался вторым браком с внучкой прусского короля, сам не смог прибыть на бракосочетание, вместо себя он прислал полномочного представителя. Левик, конечно, далеко не Наполеон, но просто в настоящее время страшно занят...

– Лева был женат? – испуганно перебила ее Липа, рюмка в ее руке дрогнула – темное вино выплеснулось на белоснежную скатерть.

– Осторожно, – прошипела Люся.

– Надо солью... Где же соль? – прощebetала Оля. – Ха-ха-ха...

– За наше знакомство! – наконец провозгласила Александра Иннокентьевна. – Пусть наши дети будут счастливыми!

Георгий потянулся к заготовленной рюмке с водкой, но, заметив недовольный взгляд старшей дочери, отодвинул водку подальше и налил себе в бокал сладкого вина.

Все чокнулись. Георгий выплеснул в рот вино и по при-

вычке сморщился.

Александр Григорьевич за обедом говорил мало, чувствовалось, что он еще недостаточно акклиматизировался в Москве после двухлетнего отсутствия. Кроме того, ему недавно вставили зубы – и он никак не мог приспособиться к протезу. Почему-то ел он на особенной тарелке – простой белой.

– Туберкулез, – шепнула матери Люся.

– Люсенька, вы читали «Безобразную герцогиню» Фейхтвангера? – спросила вдруг Оля.

Липа поперхнулась, учуяв подвох, открыла рот, чтобы вступить за беременную дочь, но Люся остановила ее чуть заметным уверенным жестом. Над столом повисло молчание. Старинные часы на пианино пробили шесть раз. Люся дожевала пирожок, прилагавшийся к бульону, вытянула из серебряного кольца салфетку, промокнула ею губы и небрежно бросила салфетку на стол. Аня, испуганно наблюдавшая за сестрой, в восхищении покачала головой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.